

Ольга Коротаева

Папа
из другого мира,
замок в стиле лофт

Ольга Коротаева
Папа из другого мира,
или Замок в стиле лофт
Серия «Замок в стиле...», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68441368

Аннотация

В больнице ко мне подошла незнакомая девочка и попросила стать её папой...

Я умер и проснулся в странном месте.

Старый замок, ходячие скелеты и болтливый пёс.

А ещё трое детей, одному из которых нет и года...

Что-о?! Детям нужны нормальные условия!

Так, засучим рукава! Когда-то я учился на инженера... Может, оформить замок в стиле лофт?

Справлюсь и с переходным возрастом старшего, и с подгузниками младшей!

Ещё и маму вашу спасти?

От меня ещё ни одна мама не уходила!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ольга Коротаева

Папа из другого мира, или Замок в стиле лофт

Глава 1

Александр

Раздался стук в дверь.

– Саша! – донеслось жалобное бление соседки. – У меня ходунки слома-ались. Почини, пожалуйста, а то я с Генкой с ума сойду!

– Скорее меня сведёшь, – пробормотал я, но всё же поднялся. Пошатываясь, побрёл к двери, по пути пытаюсь разлепить непослушные веки. С одним глазом справиться удалось, и я обречённо посмотрел на Ленку. – До утра не ждёт?

– Шутишь? – возмутилась она. – Тебя в пять уже не будет, а я... – Тут осеклась и виновато добавила: – Саш, я понимаю, что ты сутки не спал. Но я тоже... Генка мне такие тренировки устраивает! Может ваших пожарных натаскивать!

– Буду иметь в виду, – усмехнулся я и, зевнув, помотал головой. – Ща, инструмент возьму и приду.

– Спасибо! – радостно подскочила она и посмотрела на

меня так, что будь Ваня рядом, точно бы приревновал. – Ты лучший мужчина на свете!

– Жаль, за это премию не выписывают, – проворчал я и захлопнул дверь.

Ящик был у входа, но мне требовалось хотя бы умыться, чтобы не заснуть с отвёрткой в руке... В соседской квартире. Лена женщина красивая, и пусть меня не интересует, Иван постоянно мрачнеет, когда она бежит ко мне.

– Где пострадавший? – войдя, спросил я достаточно громко, чтобы перекрыть детский крик.

– Тут, – засуетилась соседка, показывая на сломанные ходунки. – Отвалилось колёсико.

– И ножка сломана, – заметил я и раскрыл ящик. – Так, распорку приклеим и временно посадим на саморезы, завтра уберу, как клей схватится. А колесо... Вот, мебельное подойдёт.

Через пятнадцать минут счастливый Генка уже рассекал просторы двухкомнатной квартирки.

Ленка проследила за ним и устало вздохнула:

– Саша, что бы я без тебя делала? Ваньке и отвёртку давать нельзя! Попробует починить форточку, а рухнет дом. Муж у меня совершенно бестолковый!

– Это гений программирования бестолковый? – собирая инструменты, хохотнул я и глянул на неё исподлобья. – У каждого свои недостатки.

– У тебя их нет! – горячо заспорила соседка. – Рукастый,

смелый, красивый... Да о тебе все девушки в нашем районе мечтают!

– Угу, – поднимаясь, буркнул я. – То-то очередь из невест у двери выстроилась.

Из-за поворота с гиком вождя индейского племени выскочил Генка и, гремя большим половником о ходунки, умчался на кухню. Лена проследила за ним взглядом и, обернувшись, осторожно дотронулась до моего локтя.

– Всё будет, Саш. Найдётся и та, что выдержит твою сумасшедшую работу. Женишься и будешь так же смотреть на своих деток.

Я вздрогнул и, сухо кивнув, торопливо покинул счастливое семейное гнёздышко. О том, что подобное будущее для меня никогда не настанет, я не распространялся.

Уснуть не смог – одолевали мрачные мысли, а в ушах всё звучал задорный детский смех. Бросив попытки уйти от реальности под одеяло, я собрался и поехал на работу.

– Сокол, ты чего вернулся? – выглянув из машины, завоновался Вовка Воробьёв. Подавив зевок, он тревожно глянул на выключенную лампу. – Вызвали?

– Просто захотелось, – равнодушно ответил я. – Спи, Воробей. Всё тихо.

– А, – расслабленно улыбнулся тот, но ко сну не вернулся. Выскочив из машины, приблизился и пожал мне руку. – Раз пришёл, может, свою поклонницу починишь?

– Опять кофеварка сломалась? – рассеянно поинтересо-

вался я, хотя и спрашивать не стоило.

Эта древняя рухлядь исправно отказывалась работать едва ли не каждую неделю. И воскрешать её из хлама по какой-то загадочной причине удавалось лишь мне. Парни шутили, называя автомат моей девушкой.

– Только тебе и даёт, – привычно рассмеялся Вова и хлопнул меня по плечу. – Зря ты бросил институт. Оставалось год продержаться – и стал бы классным инженером!

– Мне и классным пожарным неплохо живётся, – беззлобно огрызнулся я и отправился в комнату отдыха.

Здесь было тихо и темно, пахло сыростью и дешёвым кофе. Ясно. Снова сломалась подача воды. Протекает...

– Евгений Кириллович, – донёсся со стороны коридора вкрадчивый голос Димы Горелова, – можем мы кое-что обсудить?

– Да, Горелый. – Начальник был сух и короток, как всегда. – Говори.

– Здесь? – замялся Дима, но тут же торопливо продолжил: – Я насчёт своего повышения. Прошёл год с нашего последнего разговора, и я надеялся...

– Надо не надеяться, Горелый, – холодно оборвал его начальник, – а лучше работать.

– То есть... – В голосе Димы зазвенели истеричные нотки. – Я снова в пролёте? Нет, Евгений Кириллович, вы не понимаете...

– Это ты не понимаешь, – снова прервал его начальник.

Зашуршали бумаги. – Смотри, вот твои показатели. И после этого ты смеешь просить повышение? Да Соколов за несколько месяцев достиг большего, чем ты за три года!

– Сокол? – тихо переспросил Горелый. Помолчав, уточнил: – Значит, повысят новенького? Разве это справедливо?

– Не тебе судить о справедливости, – осадил начальник, зазвучали его тяжёлые шаги.

– Так, да? – Тихий голос Димы подрагивал. – Ещё по...

Кофеварка зашипела, выдавая порцию кофе. Я чертыхнулся и отдернул руку, чтобы не обжечься. Когда чашка для эспresso наполнилась, взял её и понюхал.

– Вроде нормально... – Поймав своё отражение в зеркале, поднял руку и провозгласил тост: – За повышение. Хотя какая-то компенсация неожиданно рухнувшей жизни.

Но отпить не успел – завывла сирена. Поставив чашку, я выскочил в пустой коридор и помчался на вызов.

Глава 2

– Тебе здесь быть не положено! – Вовка с силой оттолкнул меня. – Ты после суток... Лебедь узнает – голову откусит!

– Пусть откусывает. – Я упрямо забрался в машину. – Не переживай, лезть под руку не буду. Прокачусь только с вами... Мне всё равно не уснуть.

– Почему? – Быстро глянув на меня, Воробей вдавил педаль газа в пол. – Что-то произошло?

Огромная машина загрохотала и, звеня сиреной, озарила всё вокруг светом проблескового маяка.

– Ничего, – отмахнулся я и взял его планшет. Присвистнул и пробормотал: – Многоквартирное здание и подозрение на взрыв газового баллона? Ночью... Чёрт! Будет много пострадавших. Поднажми, Воробей!

– И так на всех парах, – пробубнил он, крутя баранку так резко, что машина чуть накренилась, входя в поворот. – Да и за нами целый караван. Скоро будем на месте... А ну с дороги, козёл! Ну что за люди? Будто сами защищены от подобной беды. Раз мозгами бог обидел, так хоть скрывались бы среди баранов, честное слово!

– Козлу среди баранов скрыться будет тяжело, – невесело хмыкнул я и, соединив большой и указательный пальцы в знаковом жесте, подмигнул сослуживцу.

– А кому сейчас легко? – зло рассмеялся Воробей. По-

няв намёк, выключил фары и аккуратно «поцеловал» бампер упрямца. Когда тот свильнул с дороги, открыл окошко и с деланным сожалением воскликнул: – Ой, извините! Что-то с электроникой.

– Да ты...

Последовавшую за этим витиеватую тираду мы не слушали – не до этого. Прибавив газа, Вова вцепился в руль и посмотрел вперёд. Напряжённым тоном уточнил:

– Не желаешь говорить?

Я пожал плечами, понимая, что друг просто хочет не думать о том безумии, которое нам сейчас предстоит. Чтобы отвлечь Вовку от мрачных мыслей, я проговорил:

– Кажется, меня повысят.

– Да ладно?! – изумлённо глянул он на меня, но тут же серьёзно добавил: – Впрочем, ты достоин больше, чем кто-либо. – И гадливо скривился: – А вот Горелый будет в ярости!

– Угу, – поддакнул я, вспоминая желчное шипение Дмитрия, саркастично хмыкнул: – Придётся ему смириться с «несправедливостью».

– Ты осторожнее с ним, – неожиданно посоветовал Вова. – Он с виду приветливый, а на самом деле человек так себе. Я работаю с этим недочеловеком три года. В нём удивительно гармонично сочетаются мелкая мерзопакость и острая интеллектуальная недостаточность. Открыто гадости не сделает, но моментом, несомненно, воспользуется. И не побрезгует ударить в спину.

– Спасибо за предупреждение, – вежливо ответил я и горько ухмыльнулся. – Мне не привыкать.

– Ты про свой недополученный диплом? – быстро глянул на меня Воробей. – Что тогда произошло? Ты никому не говорил.

– Не говорил, – согласился я и указал на поворот. – Сверни тут, сэкономим десять минут через старый закрытый склад. Только ворота придётся снести... Впрочем, можно срезать цепь кусачками.

Он послушался, и мы прибыли на место ещё быстрее, чем я предполагал. Объятый пламенем дом было видно издалека. Звучали крики, шумели зеваки, что держались подальше, – слух о взрыве газа надёжно удерживал на расстоянии, что дарило надежду на меньшее количество жертв. Народ никак не понимает, что любопытствующие тоже могут пострадать.

Почти одновременно с нами прибыли полицейские, ребята начали работать быстро и чётко – оцепили улицу. Воробей уже был в здании, как и другие мои сослуживцы. Я хотел с ними, но осознавал, что в данный момент не могу поручиться за свои рефлексy. Неделя и так выдалась тяжёлой, а потом суточное дежурство, во время которого было два сложных вызова. Я даже не мог точно сказать, настигла меня бессонница от того, что произошло ровно год назад, или же от переутомления.

– Что происходит? – раздался женский визг. Судя по всему, его обладательница была далеко не трезвой. – Пустите

меня!

Обернувшись, я заметил женщину в распахнутом пальто. Она вырывалась из рук полисмена и рвалась к дому. Рядом с ней безмолвной статуей застыл мужчина. Я нахмурился – кажется, это тот самый, что не уступал нам дорогу. Но точно утверждать не мог.

– Моя дочка! – верещала дамочка. – Там моя дочь! Она совсем маленькая! Пустите...

– Успокойтесь, – увещевал её полицейский. – Кто ещё в квартире? Бабушка? Другие дети?

Женщина отрицательно покачала головой и, вцепившись в волосы, тоненько завывала. Её спутник так и не шевельнулся, в ужасе глядя на огонь.

– Хотите сказать, что оставили ребёнка одного в квартире? – надвинулся я на них.

– Она спала, – затравленно глянула на меня горе-мамочка. – У Карины крепкий сон. До самого утра...

– Вы и раньше оставляли дочь одну?..

Полисмен хотел ещё что-то сказать, но я перебил:

– Этаж и номер квартиры. Быстро!

Получив информацию, бросился к подъезду. Разумеется, я не собирался сломя голову лезть на рожон – без спецодежды и оборудования я подвергал опасности не только себя, но и девочку, собирался лишь передать информацию первому, кого встречу из своих.

Но тут гроыхнуло, и пол под ногами дрогнул. На голо-

ву повалились куски побелки и краски. Спина похолодела. Я помнил схему дома, на которую глянул в планшете Вовы. Взрыв раздался именно в той стороне. Времени искать кого-то не оставалось, и я побежал по лестнице к квартире, где был заперт малыш.

Когда выбил дверь, услышал детский плач, который перекрыл новый взрыв. Я едва уклонился от упавшего сверху куска потолка. Со стороны улицы завывали сирены, шумела собравшаяся толпа, а мелкая больше не подавала признаков жизни.

Плохо.

Не обращая внимания на дрожащий под ногами пол, я быстро осмотрел все три комнаты и, обнаружив детскую, выругался при виде пустой кровати. Девочка выбралась, и теперь, когда дорога каждая секунда, её придётся искать. Самое опасное... Ведь при пожаре дети пугаются и забираются в такие места, куда бы в другое время никогда не полезли. Поэтому многие из них погибают.

Я сжал кулаки: но не этот ребёнок!

Глава 3

Девочка нашлась на кухне. Она умудрилась втиснуться в узкий ящик между посудомоечной машиной и раковиной. Там ещё была какая-то система хранения – я искренне ненавидел все эти металлические сетки, потому что в них таким вот маленьким детям легко застрять.

Я всегда буду помнить огромные испуганные глазёнки этого ребёнка. Я старался не кашлять от рвущего лёгкие дыма, чтобы не напугать девочку ещё сильнее. Быстро намочил полотенце и накрыл малышку.

– Потерпи, милая, – произнёс как можно мягче. – Дядя тебя вытащит.

Вытерев выступившие от дыма слёзы, я заметил, что ручки ребёнка приобрели синеватый оттенок. Она и пошевелиться не в силах! Всё её маленькое тельце затекло, тянуть нельзя... Придётся ломать и снова терять драгоценное время. Судя по сгущающемуся дыму, спуститься по лестнице будет нереально.

Работал я быстро, почти на автомате. Использовал всё, что было под рукой, – от ножей до молотка для отбивания мяса. Всё время говорил с ребёнком, чтобы она знала: взрослый рядом и поможет. Но когда девочка наконец оказалась в моих руках, скрипнул зубами. Она была без сознания.

Бросился к окну и, распахнув его, закричал без надежды,

что кто-то услышит...

Как на балконе этажом ниже увидел Горелого.

Мужчина махал рукой, подзывая машину с выдвижной лестницей. В груди у меня ёкнуло: спасение!

– Димка! Мы здесь! Здесь ребёнок...

Вздвогнув, он огляделся и, заметив меня, замер.

– Здесь ребёнок и... – начал было я, но Горелов уже резко отвернулся и что-то проговорил в рацию.

Нет, зря Вова на него наговаривал. Всё же пожарный не может быть сволочью. Сейчас сюда подгонят машину, и я спущу малышку по выдвижной лестнице.

Я смотрел, как разворачивается башня спецтехники, и вполголоса поторапливал сослуживцев... Как вдруг понял: они уезжают.

– Стой! – заорал и посмотрел на балкон. – Дима! Горелый! Ты где?!

Мужчины там уже не было. Машина удалялась, огибая здание, а я поверить не мог в происходящее. Затылок сжалось льдом ужаса. Сунуться сейчас в коридор – верная смерть. Остаться здесь – тоже. В любой момент и эта часть здания может обрушиться, похоронив нас под обломками.

Действовать надо было быстро. Я обшарил всю кухню, наткнувшись на моток верёвки, всхлипнул и прикусил губу до крови. Девочку спасу! Обвязав металлическую корзину, которую выломал из кухонного уголка, я уложил в неё бесчувственного ребёнка. Её безвольно обмякшее тельце поверга-

ло меня в ужас, но я знал, что девочку спасут, если вовремя окажут помощь.

И минуты утекали.

Спускал её медленно и осторожно. Я позаботился о том, чтобы девочка не выпала, но, если корзина перевернётся, малышка может задохнуться. Когда корзина оказалась на земле, я едва мог соображать от напряжения. Наглотавшись дыма, с трудом втягивал воздух в пылающие лёгкие. Надо было кричать, чтобы привлечь внимание к ребёнку, но раздавался лишь хрип и кашель...

Если её сейчас же не найдут, мои старания будут напрасными.

И тут я увидел девочку лет восьми. Она подбежала к ребёнку и, подняв его, посмотрела вверх. Наши взгляды встретились, и я попытался улыбнуться.

– Умничка. Спаси её.

Вряд ли кто-то услышал мой шёпот, да это и не важно. Ничего было уже не важно. Колени подкосились, и я рухнул на пол. Спину ожгло болью.

Жизнь всегда бьёт меня в спину.

Теперь уже наверняка.

– Дядя пожарник, – услышал детский голос.

Хотелось поправить, сказать ребёнку, что пожарники – это насекомые. А мы – пожарные. Профессия. Дети так часто путают... Но не смог даже губ разомкнуть.

– Дядя, – настойчиво звала меня девочка.

Я собрал все силы и попытался разлепить веки, тяжесть которых показалась мне свинцовой. В глаза ударил свет, затем я заметил суесящихся вокруг людей. Их было много. Лица скрыты, взгляды полны безнадёги. Так смотрел я сам, когда тушил попавшую в аварию машину. Понимал, что всё равно не в силах хоть что-то спасти, но не отступал до последнего.

Тела я не ощущал, как и боли. Будто уже умер... Может, так оно и есть? Иначе почему я вижу ребёнка, на которого никто в операционной не обращает внимания? Девочка смотрела на меня и улыбалась.

– Дядя пожарник, с малышом всё в порядке, – сообщила она, и я узнал ребёнка.

Именно она подошла к зданию, когда я опустил по верёвке корзину с пострадавшим младенцем. И она утверждает, что девочку спасли. На душе стало легче, и я хотел закрыть глаза, чтобы уйти из этого мира, как снова услышал требовательное:

– Дядя пожарник! Будьте моим папой! Пожалуйста!

Я был удивлён. Папой? Я не мог быть ничьим папой. Не в этой жизни.

Впрочем, я одной ногой в могиле... Попытался сказать это, но осознал, что в горле что-то есть. Трубка?

– Моргните, если согласны, – тут же добавила девочка.

И я согласился. Какая разница? Пусть хоть на миг перед смертью кто-то назовёт меня папой. Даже если удочерения

не состоится. Теперь всё это было не важно. Жизнь утекала из меня так быстро, что, опустив веки, я так и не смог их поднять.

Мне снилось безграничное море, в глубине которого медленно дефилировали огромные рыбыны, а в синей вышине неба проплывали облака. Вокруг на миллионы километров не было ни души. Только я, раскинувшись «звездой», бесстрашно покачивался на волнах. А чего бояться? Я уже умер...

И тут услышал надрывный тоненький голосок. Кто-то пел. Наверное, это ангелы... М-да. Жаль, что в загробном мире нельзя попросить беруши.

– Это рай или ад? – прижав ладони к ушам, проворчал я. – Зуб даю, что последнее. Иначе зачем такие пытки?

– Не нравится – не слушай, – буркнул кто-то. – Будет мне тут неприкаянная душа приказывать!

– Душа? – Распахнув глаза, я резко сел, и нечто подо мною покачнулось.

Вцепившись в странный матрац, напоминающий одновременно водяной и пенный, я уставился на восседающий рядом скелет.

И заорал.

Нет, сам скелет был нестрашный. Беленький такой, чистенький. Любая бы школа дралась за такой экземпляр в кабинет биологии. Но вот зелёное свечение в глазах не было похоже на лампочки, а навевало мысли о фильмах ужасов.

– Этот вопль у вас песней зовётся? – поинтересовался пёс, которого я не сразу заметил.

Да и кто бы обратил внимание на собаку, когда рядом ходячий хоррор-персонаж? Во всяком случае, пока та молчала. Махнув длинными ушами, пёс дружелюбно оскалился и заискивающе спросил:

– Хорошая шутка, да?

Он лающе засмеялся, а я молча и медленно, чтобы не нервировать странное соседство, передвинулся на другую сторону покачивающейся кровати. Поднявшись на ноги, услышал за спиной недовольный голос:

– Это ещё кто?

Обернувшись, я удивлённо уставился на парня лет двенадцати. Он держал на руках младенца и хмуро посматривал на девочку, что стояла рядом с ним.

Снова она! Та, что помогла мне на пожаре. И та, кого я видел в больнице перед смертью.

– Наш новый папа! – с удовольствием объявила она.

Глава 4

Я сидел за большим странным столом. Не мог понять, как это прозрачное уродство, похожее на ошибку великана-стеклодува, оказалось в замке, обставленном в стиле рококо. Оно ни в двери бы не прошло, ни в окна бы не протиснулось...

Я осознавал, что намеренно размышляю о куске стекла, чтобы не свихнуться. А было отчего! Покосившись на скелет, я гулко сглотнул. Тот важно восседал в большом, некогда удобном и красивом, но ныне совсем обветшалом кресле и, закинув ногу на ногу (пардон, кость на кость), покачивал ею.

Услышав звук, скелет замер и, медленно повернув ко мне голову (сорян, череп), ввинтился в меня светящимся жутким взглядом. Вот не знаю почему, но я ощутил не страх, а стыд, будто вернулся в детство. В тот его постыдный момент, когда мне было то ли три, то ли четыре, а мама нарядила меня в лучший костюмчик и повела в богатый дом.

Там я увидел настоящего дворецкого (как в фильмах!), и пока мама разговаривала с кем-то за большими и тяжёлыми дверьми, человек в ливрее ни на минуту не отпускал мою руку. И смотрел вот так же, когда я пытался заговорить. Будто ребёнок вообще не имел права голоса, даже если ему очень сильно хотелось в туалет...

Я вздрогнул и повёл плечом, недоумевая, с чего вдруг

вспомнил этот неприятный инцидент. Может, это скелет того самого дворецкого?

– Его нужно вернуть.

Услышав твёрдый голос мальчика, я резко обернулся. С момента, когда юноша появился на пороге комнаты, он относился ко мне так, будто я с мечом ворвался в их жизнь, наследил грязной обувью, сломал все игрушки и съел мороженое в холодильнике.

– Он не может вернуться, – рассудительно возразила девочка. – Он умер.

Умер?

По спине поползли мурашки, и память тут же услужливо подкинула картинку бушующего в здании пламени. Я будто снова слышал взрыв и жуткий треск собственных костей. Дотронувшись до груди, глубоко вдохнул и, глянув на девочку, осторожно произнёс:

– Но я чувствую себя вполне живым. Нет ран, ничего не болит...

– Неприкаянная душа! – Парень нарочно повысил голос, чтобы заглушить мой.

Говорил так, будто меня нет. И скелет, снова пронзив меня зелёною жуткого взгляда, важно кивнул, соглашаясь с ребёнком.

– Магнус придёт на его запах, как голодный пёс, – выплюнул юноша с такой ненавистью, что я не позавидовал этому Магнусу, кем бы ни оказался этот несчастный.

– Я попросил бы!... – взвился пёс.

– Не обижайтесь, Пёсель Лаврентьевич, – вежливо проговорила девочка. – Джонатан не хотел вас обидеть.

Махнув длинными ушами, будто лопастями вентилятора, Пёсель расплылся в добродушном оскале.

– ...Попросил бы почаще говорить мне подобные комплименты. – Он мечтательно закатил глазки и тоненько пропел: – Это напоминает, что в моём роду есть дикие собаки динго и даже один волк. Я должен чтить предков!

– Попугаи в вашем роду были, а не волки, – холодно хмыкнул парень и скрестил руки на груди.

Я нахмурился, пытаюсь сопоставить загадочного Магнуса, которого так боятся дети, с волком. Вкупе с упомянутым чувством догадки возникали не самые приятные. Если в месте, куда я попал, есть живые скелеты и говорящие животные, то и оборотни могут существовать!

Быстро глянув на покосившееся окно, за которым расплзалась сырая темень вечера, я невольно поёжился. Меня не пугал ни пожар, ни наводнение, ни преступник с ножом в руке... Но сейчас я ощутил неприятный укол страха. Незвестность всегда пугает.

– Я сейчас же верну его, – поднявшись из-за стола, решительно заявил юноша.

Полугодовала на вид малышка, которая до этого тихонько сидела на полу и перебирала какие-то загадочные вещички (местные игрушки?), громко агукнула и хлопнула в ладо-

ши.

– Нет, ты не поможешь, – погрозила ей девочка и перевела строгий взгляд на брата. – А ты не отправишь папу обратно.

– Он нам не папа! – сжав кулаки, процедил Джонатан. – Джессика, он опасен! Неприкаянную душу нужно изгнать из Шаада ради нашей безопасности!

– Не изгнать, а отправить на перерождение, – спокойно поправила девочка. – И ты этого никогда не делал.

– Я много раз наблюдал, как работает мама, – снова повышая голос, сообщил юноша.

– Вот именно! – не сдавалась Джессика. Она тоже поднялась со стула и встала между мной и братом, будто защищая «неприкаянную душу». – Что будет, если закинешь его в Замирье? Готов к последствиям?

– Я... – начал было тот, но, поджав губы, нахмурился.

– Тогда папа остаётся! – с довольным видом закончила Джессика.

– Во всяком случае до тех пор, пока не вернётся мама, – проворчал парень.

– Стойте, – встал я и недоверчиво покачал головой.

Сейчас я отметил, что рубашка на юноше порвана в нескольких местах, а воротничок так тёмнен, будто Джонатан носил этот наряд минимум месяц. На голове Джессики был совершенный кошмар, словно девочку не причёсывали несколько дней. Чумазая малышка изначально не вызвала у меня удивления, – младенец ползал по грязному полу, чего

ещё ждать? – но сейчас я посмотрел на это другими глазами.

Вспоминалась горе-мамаша, которая, бросив ребёнка одного, отправилась с мужем в ночной загул и чуть не погубила малышку своей безответственностью.

Неужели и родители этих детей бросили их в старом доме с едва живой мебелью, покосившимися окнами и нянькой-скелетом? В месте, где, возможно, бродит оборотень, а собака больше болтает, чем защищает?

– Так вы здесь... одни?!

Глава 5

Итак, я попал.

И я – папа.

Дважды попал...

Это изначальные данные. Смирись и прими к сведению, Сокол. Впрочем, теперь мой позывной можно забыть. Здесь я – не пожарный, а «неприкаянная душа». Здесь – это в загадочном месте под названием Шаад. В замке, в котором даже находиться можно с риском для жизни.

И трое детей, брошенных на произвол судьбы.

Я втянул воздух в лёгкие и сжал кулаки. Никогда не понимал тех, кто к детям относится как к домашним животным. Захотели – завели, а дальше – сами растите... Как грибы!

Если честно, я ухватился за эту злость, как за соломинку. Лучше, чем сходить с ума, пытаюсь осознать, что же произошло. Я ведь умер. И снова живу. А уж раз это так, то стоит обустроиться на новом месте. Ведь вернуться в мир, из которого меня забрала смерть, вряд ли получится.

– Хорошо. – Хлопнув в ладоши, я посмотрел на детей. – Я буду вашим папой.

– Ура! – обрадовалась Джессика и торопливо представила других: – Это Джонатан и Агнесс. Она всё понимает, но не говорит.

Малышка сунула в рот палец и посмотрела на меня с по-

разительно взрослой серьёзностью. Я отвёл взгляд и ответил:

– Меня зовут Александр Соколов. Можете звать меня дядя Саша или...

– Папа! – воскликнула Джессика.

– ...Сokol, – одновременно с ней закончил я. И осторожно добавил: – Можно и папа... Кстати, а где ваша мама? Когда она вернётся?

Девочка помрачнела и часто-часто заморгала влажными ресничками. Сердце моё дрогнуло. Вот не могу терпеть женских слёз! Невзирая на возраст той, что вот-вот заплачет, я едва сдерживался, чтобы не извиниться, одновременно пообещать звезду с неба, купить мороженого и сбежать на край земли...

Привычно подавив панику, я глянул на старшего брата девочки, по щекам которой покатались крупные прозрачные капли.

– Можешь сказать?

– Не твоё дело, – огрызнулся он и, отвернувшись, вышел из комнаты.

С характером! Жаль, что толку от него ноль. Как и от рыдающей Джессики. Я повернулся к малышке, которая, рассматривая меня, с упоением сосала палец, и не выдержал. Поднял ребёнка с пола и попытался отвести её руку.

– Не делай этого. Он же грязный... Ай!

Агнесс укусила меня! От неожиданности я инстинктивно шарахнулся и, оступившись, с размаху уселся на пол. Сжал

челюсти, чтобы не чертыхнуться. Больно! Хорошо, что эту пиранью голубоглазую удержал.

– Кажется, ты ей нравишься, – неожиданно улыбнулась сквозь слёзы Джессика.

Я удивлённо приподнял брови.

– На вкус? Остаётся радоваться, что Пёселю Лаврентьевичу я не приглянулся... Ай! Да что же это такое? Снова?!

– Ты ей однозначно нравишься! – припечатала Джессика, наблюдая, как я борюсь за право оставить собственный палец при себе.

Зубов у малышки было немного, но острота всех четырёх сомнению не подлежала.

С трудом отвоевав покусанную конечность, я вернул ребёнка на пол и отступил для верности.

– Рановато я решился быть папой. Я же совершенно ничего не знаю о детях!

– Совсем ничего? – прищурилась Джессика.

К счастью, слёзки её уже высохли, и я решил отложить вопрос о том, куда пропала мама этих беспризорников.

– Они должны быть сыты, чисты и в безопасности, – пожал я плечами.

– А врал, что не знаешь, – с удовольствием рассмеялась девочка и, шагнув ко мне, неожиданно обняла. – Ты будешь хорошим папой.

Я замер и с растерянностью посмотрел на лохматую голову ребёнка. Осторожно прикоснулся к спутанным волосам и

подумал, что быть папой порой больно и неловко, но что-то хорошее в этом точно есть.

К тому же выбора мне никто не предоставил. Когда я опустил веки в своём мире, можно сказать, я подписал некий договор. И пусть пошёл на это, не зная условий, предоплата всё же достойная.

Я жив.

И я больше не одинок.

Папа – это тяжёлый труд (судя по тому, что видел на примере друзей и соседей), но я справлюсь. В конце концов я проходил через огонь, воду и медные трубы. Кстати о последних...

– Агнесс явно нуждается в хорошем душе, – заявил я и попросил: – Покажешь, куда её отнести?

– Души у нас только неприкайнные, – виновато ответила девочка. – Они все хорошие, но нарушают равновесие маггий и притягивают магнус. Поэтому мы избавлялись от них. Сейчас в Шааде только ты... – Она щёлкнула пальцами и прищурилась. – Ты прав. Агнесс нуждается в тебе. Мы все нуждаемся!

– Э-э, – растерялся я и добавил: – Я имел в виду то, где её можно помыть. Не видишь, какая она грязная?

– А, – заулыбалась Джессика и кивнула: – Неси за мной.

И, развернувшись, вышла из комнаты. Я опасливо покопился на малышку и, теперь не возражая против того, чтобы она использовала свой палец вместо соски (что мешало ей

демонстрировать ко мне острую привязанность), осторожно поднял Агнесс.

Нёс на вытянутых руках, а малышка терпеливо висела, как щеночек. Когда мы проходили через гостиную, собака, лежащая на огромном диване с изодранной обивкой, приподняла голову и оскалилась в улыбке.

– Куда вы её?

– К реке, – пояснила Джесс.

– Да ладно?! – оживился Пёсель и, прыгнув с дивана, подбежал к читающему книжку скелету. – Герман, неприкаянная душа хочет утопить мелкую! Ну что ты сидишь? Идём скорее, а то всё пропустим...

– Эй! – возмущённо оглянулся я и тут же, ощутив знакомую боль в пальце, изумлённо посмотрел на девочку. – Ты издеваешься?

– Пап, не отвлекайся, – позвала меня её старшая сестра.

Я догнал Джессику и, выйдя из замка, на миг замер, поражённый до глубины души. Даже забыл вопросы об отсутствии ванны и жутких словах собаки.

И было отчего.

Над нами разлилась сиреневая темнота, по бархатной поверхности которой рассыпались миллиарды светлячков чужих звёзд. На линии горизонта сирень приобретала тёмно-фиолетовые оттенки, рваные линии намекали на окружающие нас леса. А передо мною раскинулось широкое поле, усыпанное удивительными цветами.

Как я рассмотрел в ночи соцветия? Они светились! Каждый раз, когда тёмных трав касался лёгкий ветерок, головки растений покачивались и начинали излучать мягкое светло-оранжевое сияние. И тускнели, стоило ветру утихнуть.

От удивительного зрелища я забыл, как дышать.

Но мне напомнили.

– Кажется, малышка очень голодна. – На этот раз стерпев боль, я прижал ребёнка к себе. – Давай быстренько отмоем её, а потом покормим.

– Начинай, – хитро прищурилась Джессика и кивнула на тёмную ленту реки, на поверхности которой проблесками золота отражалось свечение цветов.

Я сделал глубокий вдох и первый решительный шаг. Я мыл пожарную технику так, что Лебедь выписывал мне премию. А оттереть гарь и копоть после пожара – тот ещё квест. После этого искупать ребёнка – как два байта по почте послать!

Глава 6

На берегу я засомневался, можно ли мыть такую крохотную малышку в простой воде. Наверное, будет холодно! Может, развести костёр и нагреть?..

Надо бы проверить.

Посадив ребёнка на траву, я подошёл к воде и опустил в неё руку.

Тёплая, как парное молоко... Будто весь день была жара! Можно и ребёнка помыть, и самому искупаться. Обернувшись, я похолодел – Агнесс на месте, где я её посадил, уже не было. И это у реки. Ночью!

– Джессика! – оглядывая тёмные кусты, позвал я девочку. – Не видела сестрёнку?

Девочка в это время пыталась отнять у рычащей собаки нечто похожее на светлую палку. На миг ребёнок отвлёкся, и Пёсель, воспользовавшись моментом, счастливо ускакал в сторону замка.

– Ты её не видишь? – отдуваясь, уточнила Джессика.

У меня спина похолодела: малышки и правда нигде не было видно.

– Вот дурак! – ругался я, не переставая искать ребёнка. – И чего вдруг взбрело в голову идти купаться посреди ночи. Ну сосала она свой палец... Ну грязный! Судя по привычке, она раньше это делала, и всё же жива-здоровая. Продержалась

бы ещё одну ночь. А вдруг её пресловутый оборотень унёс?

— Пап! — крикнула Джессика и снова повторила: — Ты что, потерял Агнесс?

— Да, — виновато признался я и тут же, чтобы успокоить девочку, убедительно добавил: — Не волнуйся, я её найду. Что бы ни потребовалось, я...

— Посмотри туда, — прервала она меня и указала вверх.

Над нами гроыхнуло, в чистом небе что-то сверкнуло. Запрокинув голову, я застыл на месте, наблюдая, как медленно парит малышка в паре метров над землёй. Вокруг девочки, будто мыльный пузырь, в свете двух тонких зелёных лучей поблёскивала призрачная сфера. Она переливалась разноцветными искрами...

И вдруг лопнула, осыпав меня чем-то похожим на конфетти.

Ребёнок упал мне на руки, и я обрадованно прижал её к себе. С улыбкой пожурил:

— Разве можно так пугать дядю? Я только отвернулся, а ты решила полетать.

В этот момент я увидел бегущего Джонатана. От его тела вокруг разлетались неоновые искры, будто передо мной не юноша, а человек-молния. Одна из них летела в нашу сторону. Улыбка сползла с моих губ, и я медленно прошептал:

— По-ле-тать...

Растерянно моргнул, осознавая увиденное, а когда открыл глаза, надо мной склонились все трое детей, высунувший

язык Пёсель и даже незначительно заинтересованный скелет. Было холодно и мокро.

Я догадался, что потерял сознание и упал в воду, а дети меня вытащили. Шевельнулся, но в теле разлилась неприятная слабость. Вряд ли сейчас удастся подняться... Возможно, это последствия шока.

И неудивительно. Вид скелета, который своим лазерным взглядом поднимает людей в воздух, и парнишки, разбрасывающегося шаровыми молниями, кого угодно озадачат до обморока.

– Что с ним? – деловито спросила Джессика. – Почему он упал?

– Может, устал? – весело предположила собака. – Решил прилечь отдохнуть. И незаметно уснул.

И хитро подмигнула скелету.

– В воде? – выгнула бровь девочка и укоризненно посмотрела на брата. – Может, ты в него попал?

Парень стукнул кулаком по своей ладони и процедил:

– Я решил, что это магнус!.. Как увидел Агнесс над землёй, подумал, что они снова прорвались! Иначе зачем Герман щит активировал?

– Да его Пёсель Лаврентьевич шантажировал! – сдала животное Джессика и вытерла влажный лоб. – Этот интригад стащил у скелета берцовую кость! Мне не удалось отобрать.

– Почему ты это сделал? – рассердился на собаку Джонатан.

– А надо было позволить неприкаянной душе утопить Агнесс? – театрально взвыла та.

– А-гу, – вынув палец изо рта, лукаво произнесла Агнесс.

– Пожалуйста, – тут же заулыбался Пёсель и вновь замотал хвостом.

– Да не собирался я её топить, – едва ворочая языком, пояснил я. – Помыть хотел. Она грязных пальцев изо рта не вынимает. Разве вы не видите?

– У неё зубы режутся, – взяв ребёнка на руки, нехотя пояснил Джонатан. – И к вашему сведению, Агнесс боится воды. Разве Джессика вам не сказала?

– Я забыла, – виновато пролепетала та.

Повернувшись к средней сестре, парень холодно бросил:

– Притащила в Шаад игрушку – так следи за ней.

Игрушка? Я разозлился настолько, что удалось преодолеть слабость и подняться. Пошатываясь, надвинулся на Джонатана.

– А теперь послушай меня, парень. Я понятия не имею, что происходит, но знаю одно. Вы – несовершеннолетние! И по каким-то причинам рядом с вами сейчас нет родителей. Поэтому я останусь здесь, пока кто-то из них не вернётся. Буду заботиться о вас, защищать и оберегать. Потому что даже обладающие суперспособностями дети всё равно остаются детьми. Ясно?

Некоторое время он пристально смотрел на меня, а потом коротко усмехнулся.

— Что ж... Рискните. — И, развернувшись, понёс сестрёнку к замку. Не оборачиваясь, Джонатан добавил: — Кстати о суперспособностях. К утру ваша слабость пройдёт.

Я лишь головой покачал: так я действительно получил магический заряд?

За детьми весело поскакал Пёсель Лаврентьевич, а следом, заложив руки за спину, задумчиво побрёл скелет. Я взял девочку за руку и, опасливо оглядевшись, повёл её домой. Дети отправились спать в одну из комнат, я же расположился на диване с драной обивкой и закрыл глаза.

Утро вечера мудренее, как говорится в сказках. И раз я попал в одну из них, то последую этому совету.

Всю ночь мне снились танцующие скелеты и огромные шары, похожие на мыльные пузыри. Они лопались один за другим, и на меня всё падали и падали дети...

Глава 7

Флоренс

– Когда же твой друг спасёт тебя? Я устал ждать.

Голос магнера был скрипучим, как старые петли двери в подвал. Я закрыла глаза и пообещала себе смазать их сразу, как вернусь.

И я не допускала мысли, что это невозможно.

Да, раньше из Замирья никто не возвращался.

До Устина.

Страж первого оплота Шаада, мой старый друг и супруг милой иномирянки Софии. Некогда его поглотило Замирье, но он сумел вырваться. Великий маг и ужасный зануда Устин... Мне до его уровня никогда не дотянуться, ведь даже мой муж уступал ему в мощи магии.

Мой погибший муж.

Я не позволяла себе провалиться в сожаления. Страдать было некогда и тогда, когда Мортон погиб, оставив меня на последнем месяце беременности и с двумя детьми на руках. Я не дам себе пролить ни слезинки и теперь, когда стала заложницей Замирья.

– Ни-ког-да, – чётко проговорила я и посмотрела в выцветшие глаза мага. – Смирись. Мы победили! Стражи Шаада закрыли для вас «кормушку». Замирье сгинет, – продол-

жала цедить я, не отрывая взгляда от его бледного лица. — Магнус перестанет существовать. Ты проиграл, магнер! Скоро ты и сам умрёшь без энергии живого мира...

— Не так скоро, как тебе хотелось бы, — нехорошо улыбнулся он и сделал шаг.

Я машинально напряглась, не желая того, что сейчас произойдёт. Но это было неизбежно.

Мужчина распахнул плащ, открывая моему взору тёмную дыру в районе груди. В мою сторону потянулись струйки тьмы, и я невольно дёрнулась, чтобы избежать неприятного прикосновения. Но лишь звякнули цепи, которыми я была накрепко прикована к скале посреди кишащего голодным магнусом океана...

Зажмурившись, я вдохнула поглубже и замерла. Боли не было, на меня лишь накатывалась слабость. Начинало подташнивать, и перед внутренним взором заплясали цветные круги. Врагу хотелось бы опустошить меня одним вдохом, но тогда негде будет брать живую магию. В Замирье всё мертво...

Магнер с сожалением цокнул языком, и я ощутила облегчение оттого, что он отстранился.

Только тогда я смогла нормально дышать, но глаз открывать не хотелось. Как и смотреть на противную рожу последнего повелителя жутких тварей. Он мог убить меня ещё в первый день, но оставил в живых. Потому что я — единственная доступная ему пища. Твари пришлось сесть на диету и

растягивать попавшую в плен «еду».

Он хочет, чтобы я продержалась подольше, пока не найдёт способ снова проникнуть в живые миры.

И я постараюсь выжить, чтобы вновь увидеть своих детей. Ведь я верю, что есть способ вернуться. У Устина же получилось!

Я представляла, как увижу своих детей. Это давало мне сил продержаться, пусть всего лишь было видением. Я обниму малышку Агнесс... Возможно, она скажет своё первое слово. Заплету волосы своей средней дочки в косичку и уложу короной, как учила моя новая подруга София. И похвалю Джонатана за то, что стал настоящим мужчиной. Ведь сейчас, когда мамы нет дома, ему приходится заботиться о сёстрах.

Ощущая, как к глазам подступает обжигающая влага, я до боли прикусила нижнюю губу.

Не увидит проклятый магнер моих слёз. Не услышит мольбы.

Я лучше останусь здесь навеки, чем открою тайну замкнутого пространства. Погибну, но не дам врагу снова проникнуть в Шаад... Нет-нет, я выживу. Пытать меня магнер не посмеет – побоится лишиться последнего пропитания. И я вернусь к своим детям, чего бы это мне ни стоило! Ведь я страж.

Александр

Проснулся я оттого, что на мне на самом деле кто-то прыгал.

– Агнесс, – узнав малышку, прохрипел я.

– У-ий! – радостно взвизгнула она.

– Сколько времени? – Пытаясь разлепить глаза, я глянул на часы. Они всё ещё оставались на моей руке. – Ещё только четыре... Ты спать должна!

– Й-ух! – горячо возразила девочка и потянула меня за нос.

Пальчики её были настолько цепкими, что пришлось приподняться, чтобы не остаться без носа. Дверь медленно открылась, и на пороге я увидел Джессику. Девочка, вытянув руки вперёд, пошла к нам с закрытыми глазами.

– Лунатит, что ли? – озадачившись, прогундосил я (нос мой всё ещё оставался в плену).

Но Джессика, замерев в шаге от дивана, сграбастала сестрёнку и, развернувшись, так же неторопливо вернулась обратно. Я потёр переносицу и, пожав плечами, перевернулся на другой бок, чтобы ещё немного поспать... Как нос к носу столкнулся с собакой.

Наглое животное развалилось на подушке, сдвинув меня

лапами на самый край дивана.

– Пёсель Лаврентьевич, – уважительно начал я. – Кажется, вы давно не получали сапогом по части тушки чуть ниже хвоста.

В ответ мне облизали лицо и ласково прикусили руку. Чертыхнувшись, я скатился с дивана и, отплёвываясь, направился на поиски помещения, где можно умыться. Замер у окна и, обернувшись, вспомнил про реку – если верить Джессике, это и душ, и раковина...

Да так и застыл, глядя на умопомрачительный восход. Яркие сиренево-розовые всполохи расчёркивали небо на горизонте и, мягко меняя оттенки, будто на акварельной картине, переходили в зеленовато-холодный в вышине.

Вокруг замка раскинулись леса, и с виду они казались совершенно непроходимыми, какими-то жутко-сказочными, но прекрасными. А поле под стенами замка, усеянное оранжевыми цветами (именно они светились ночью?), выглядело ярко-зелёным ковром с вкраплением искр огня.

– Спасибо, – поддавшись горячей волне благодарности, прошептал я.

Мне было за что сказать это – некто за пределами моего разума подарил мне второй шанс... Нет, уже третий! Я всё ещё жив. И я могу любоваться подобной красотой, в состоянии дышать и радоваться невыносимо прекрасному миру. Пусть и не тому, в котором родился.

Жизнью я особо и не дорожил, считая, что она уже проиг-

рана. Потому и бросил институт, пошёл в пожарники. Желая отплатить судьбе за второй шанс.

А теперь, получив ещё один, буду приглядывать за волшебными детьми в этом непостижимом мире.

И начну с замка!

Отвернувшись от окна, я внимательно осмотрел гостиную. Ночью она показалась мне немного обшарпанной, но сейчас, при утреннем свете зарождающегося солнышка, стало видно, насколько сильно замок пришёл в упадок.

Это просто ужасно!

Покосившийся диван, на котором дрыхла наглая псина, нуждался в ремонте. Облезлые стены, некогда обклеенные красивой и явно дорогой тканью, были в трещинах. Возникло ощущение, будто здесь периодически бывают землетрясения. Странно, ведь местность равнинная, и даже вдалеке гор не видно.

Впрочем, в Шааде могут действовать совсем другие законы природы. Дети здесь обладают удивительными способностями, скелеты без проблем передвигаются и выпускают из глаз зелёные лучи, собаки чересчур болтливы, а я – жив.

А раз так, то пора привыкать к новому месту.

Моя берлога в прошлой жизни была маленькой, но зато в квартирке было уютно и удобно. Я обустроивал её в стиле лофт, что, по моему мнению, очень соответствует стилю одинокого мужчины. Может, и здесь сотворить нечто похожее? Вспомнить всё, чему учился, и привести помещения

хотя бы в жилой вид.

И безопасный.

Раздумывая, с чего начать, я решил пробежаться до речки. Остановившись на берегу, втянул чистейший воздух полной грудью и позволил себе порадоваться. Сколько себя помню, всегда мечтал жить где-нибудь за городом, в шаговой доступности от водоёма. И вот, сбылось наконец. Не в той жизни и не в том мире, но всё-таки...

Раздевшись, с разбегу нырнул и несколькими мощными гребками отплыл довольно далеко от берега. Раскинулся звездой и с наслаждением доверился воде...

– Эй! – вскрикнул, ощутив, как в ногу что-то впилося.

Мелькнули мысли о чудовищах, которые могут водиться здесь, и я вылетел на берег как ошпаренный. Осмотрел место укуса и потрогал припухшую ранку. Было немного похоже на след от щупалец медузы, хотя плавал не в море, и вода пресная.

– М-да... – проворчал, подхватывая с земли джинсы. – Не зная броду, не суйся в воду. Городской ты житель, Сокол. Глупый и наивный. Ладно, заживёт. До свадьбы...

Задумчиво повертел в руках футболку, которую я надел утром злополучного дня. Она была свежей, как только что после стирки. А ведь я сунулся в горящее здание! Тем не менее ни единого пятнышка на одежде, запаха тоже не уловил.

– Чему удивляться? – попытался я смириться с чудесами. – У меня рёбра не сломаны, ноги-руки целы, трубка из

горла не торчит. Тело – сложный организм – и то будто новенькое. А чистая одежда как приятный бонус.

Поморщился от ноющей боли в укушенной ноге и побрёл к замку.

Итак, лофт. Для начала ободрать ужасные тканевые обои. Для выбранного мною стиля характерны кирпичные стены и высокие потолки. И внимательно осмотреть всю мебель: что на выброс, что можно починить или переделать.

Ощущая растущий энтузиазм, я почти вбежал по лестнице.

И тут же был сбит прыгнувшей на меня собакой. Над нами что-то просвистело, позади гроыхнуло. Не удержавшись, я покотился вниз в обнимку с Пёселем Лаврентьевичем.

Глава 8

– Ты жив? – раздался над моей головой взволнованный голос девочки.

– Да, я жив, – просипел Пёсель и слез с моей головы.

Я был ему за это премного благодарен и хотел было подняться сам, но понял, что не могу ни пошевелиться, ни что-то сказать. Запаниковал, испугавшись, что при падении что-то себе повредил. Да ещё нога, укушенная какой-то рыбой, болела всё сильнее.

– Да я папу спрашиваю, – отмахнулась от собаки Джессика. – С вами-то что делается?

– Правильно, зачем меня жалеть? – обиделся Пёсель. – Помру – больше еды вам достанется...

При упоминании еды мой организм оживился, живот подвело так, будто я не ел минимум неделю. Впрочем, я же не знаю, сколько времени прошло между моментом, когда я закрыл глаза в своём мире, и моментом, когда открыл их здесь.

– Прекратите ворчать, – потребовала девочка и попыталась меня поднять. – Лучше помогите... Ох, какой папа тяжёлый!

– Что произошло? – услышал я недовольный голос пацана. – Почему неприкаянная душа изображает коврик в нашей гостиной? А с Пёселем что случилось? Джессика, опять твои проделки?!

– А что со мной? – испуганно тявкнула собака.

– Вы себя в зеркало видели? – с лёгкой ноткой сочувствия спросил Джонатан.

– Н-нет, – икнул пёс, и тут же раздался удаляющийся топот его лап.

Я и сам заинтересовался, что же случилось с собакой, но не смог и глаз открыть. К тому же вопрос, что произошло со мной, остаётся открытым. Если я парализован, то дело худое... Замок на отшибе, до помощи неизвестно сколько километров. И судя по тому, что никаких коммуникаций в доме я не заметил, со связью тут совсем глухо...

– Ну вот зачем ты ему сказал? – сердито буркнула Джессика. – Подумаешь, попала заклинанием... Я случайно! Хотела для папы красивую причёску себе сделать, но чуточку промахнулась.

– Да нет, – ехидно отозвался её брат. – По Пёселю Лаврентьевичу попала.

Девочка ничего не ответила ему, лишь снова потормошила меня.

– Пап, что с тобой? Джонатан, почему он не двигается?

– Дышит? – деловито уточнил её брат.

– Вроде да... Пап! Пап, вставай!

– Джесс, хватит его так называть, – тихо попросил Джонатан. – Наш папа умер. А это всего лишь неприкаянная душа.

У меня в груди похолодело. Так отец мёртв? Стоп! Они не сироты, Джонатан сказал, что их мама решит, что со мной

делать. Как вернётся. Если вернётся. Вспомнилось, как отреагировала девочка на вопрос о маме...

– Теперь он наш папа, – упрямо заявила девочка. – А если ты против, то мой и Агнесс. Он ей понравился!

– Судя по состоянию души, недолго ему играть вашего папу, – хмыкнул парень.

– Да помоги же! – настойчиво потребовала девочка. – Что мне с ним делать?

– Об этом надо было думать до того, как притащила неприкаянную душу в Шаад, – назидательно произнёс Джонатан.

– Злыдень!

– Язва!

– Джо-о! – жалобно протянула Джессика и всхлипнула.

И Джонатан, как настоящий (хоть и маленький) мужчина, сдался.

– Не хнычь. Посмотрю, что можно сделать.

И я его понимал! Сам не мог переносить женских слёз. Судя по пыхтению, парень меня осматривал, но прикосновений я не чувствовал. Плохо, очень плохо. Умирать второй раз ой как не хотелось, особенно так глупо – быть сбитым с лестницы и придавленным болтливой собакой. Я и в пожарные пошёл, чтобы умереть героем... Раз уж жить долго и счастливо не получалось.

– Смотри! – воскликнула девочка.

– Ему кранты, – процедил парень.

– Джо! – ахнула Джессика.

– Да ладно, это всего лишь укус, – примирительно отозвался он. – Пару дней полежит – может, оклемается. Была бы мама дома, она бы его в два счёта от яда вылечила.

Так это всё-таки из-за той рыбины? Она была ядовитая? Ох... А я в этой реке хотел малышку искупать! Недаром на меня скелет напал, защищая Агнесс. Впредь надо быть умнее. Но что за яд и как теперь быть?

– Я его сама вылечу! – загорелась энтузиазмом девочка.

– Вот и хорошо, – довольно поддакнул её брат. – Сама притащила неприкаянную душу – сама от неё и избавишься!

«Стоп-стоп, – заволновался я. – Может, не надо лечить? Я лучше отлежусь пару дней, как предложил Джонатан».

Но мыслей девочка не читала... Увы. Она обрадовалась возможности продемонстрировать свои навыки первой помощи так активно, что у малышки даже получилось сдвинуть меня с места!

– Сейчас я тебя спа-су! – с натугой пообещала она.

«Ещё и угрожает!» – ужаснулся я, не в силах препятствовать предстоящему убиению.

– Надорвёшься, – вмешался её брат, и я радостно перевёл дыхание. Спаситель! – Позови Германа, пусть перенесёт неприкаянную душу в мамину лабораторию с помощью дара.

Я замер. Лаборатория?! Сразу представилась тёмная комната с множеством колбочек, скляночек, странных предметов, кривых ножей, с котлом посередине и сушёными мыша-

ми, развешанными под потолком.

А что ещё представить, если оказался в средневековом замке?!

Глава 9

Что чувствует бабочка, которую закрыли в банке?

Теперь я знаю.

Когда появился скелет, я не видел, зато ощутил, будто внезапно пропал внешний мир. Звуки смолкли, опора подомной исчезла, запахов тоже не осталось. Я оказался в странном ничто. Благо находился в этом прекрасно-ужасном состоянии лишь минуту или две. И отчаянно надеялся, что этого больше не повторится, потому что сердце колотилось как безумное и грозило выскочить из груди. И это у меня нет клаустрофобии!

Я рухнул на что-то твёрдое и сразу услышал радостный голосок Джессики:

– А теперь лечить!

И я пожалел, что снова не могу скрыться в том ничто. Почему-то энтузиазм девочки пугал... Но ещё больше я леденел, когда я слышал комментарии её брата.

– Это трава от запора, Джесс. А этот корень вызывает активный рост волос...

Хотелось сбежать и спрятаться, но я не мог и пошевелиться. Ох как не хотелось становиться волосатым засранцем!

– Так, вроде готово, – прозвучало будто приговор. – Джонатан, поддержи его.

– С чего вдруг? – хмыкнул парень.

– Мама говорила, что от противоядия бывают судороги, – важно ответила девочка.

– Ну хоть что-то из её слов ты услышала, – ехидно поразился он. – Нет, я не прикоснусь к душе. Потом пахнуть буду, не хочу магический гнус привлекать.

Я удивился – вроде гадкими запахами никогда не отличался. Да и с утра успел искупаться. Одежда чистая. И чего Джонатан так настаивает на запахе? Или у него повышенная чувствительность? Надо запомнить на будущее, пригодится, когда буду заботиться о детях... Если сам выживу, конечно.

– Тогда я его привяжу, – придумала Джессика.

Некоторое время ничего не происходило, а затем в теле вдруг появились первые ощущения...

И какие!

Меня будто выкручивали изнутри, всё заныло так, словно из жил и вен некто плёл косички. Выгнувшись, я застыл, но легче не стало. На колено легла детская ладонь, и от одного прикосновения меня будто током пронзило. Я хотел сбросить руку девочки, которая причиняла столько боли, но почувствовал, что снова не в силах пошевелиться.

Теперь из-за веревок, которыми я был накрепко прикручен к столу. Мотков пять ушло, не меньше! Да этой верёвки бы хватило, чтобы спуститься с пятого этажа! Ощущая себя куколкой, которой вот-вот предстоит превратиться в бабочку, я рвался и пытался освободиться, чтобы хоть как-то уменьшить жуткую боль.

– Что-то его сильно плющит, – лениво заметил Джонатан. – Ты точно не перепутала зелья, Джесс?

Сердце ухнуло в желудок холодным камнем, а перед внутренним взором встало видение снежного человека на толчке. И внезапно приспичило в туалет...

Зараза!

– Разв-в-вяжите! – получилось выговорить, хотя я едва себе язык при этом не откусил. – Нем-м-медлен-н-но!

– Рано ещё, – похлопала меня Джессика по плечу. И каждое её движение пронизывало меня злым током на грёбаных шестнадцать ампер. – Подожди чуточку...

– Через чуточку будет поздно, – прошипел я, сдерживаясь изо всех сил. – И я очень надеюсь, что туалет у вас не на улице... Впрочем, пусть хоть и на улице! Главное – отпустите!

– Ты точно что-то перепутала, – саркастично заявил Джонатан, пока его сестра спешно разматывала меня.

Я же, подвывая, схватился за живот и метнулся сначала в одну сторону... Потом в другую... Плюнув на всё, сиганул в окно и горным козликом поскакал в кусты. Там, ругая себя на чём свет стоит, шептал:

– Прибыл на новое место, Сокол, сначала уточни все жизненно важные объекты и дислокации предметов первой необходимости. Ты о себе позаботиться не в силах, папа хренов! И как ты собрался воспитывать троих детей?

И тут я забыл, как дышать...

Трое! Их трое, но с самого утра я не видел Агнесс. Надо

немедленно найти малышку!

Когда страшная угроза осталась позади, я выпрямился и только понял, что, прыгая в окно, содрал занавеску. И теперь она болталась на мне, будто белый плащ. Я перекинул ткань через плечо, чтобы не цеплялась за кусты, и спешно отправился на поиски ребёнка.

В гостиной увидел Пёселя Лаврентьевича... Да так и застыл. Не сдержав смеха, просипел:

– Теперь я понимаю, о чём шла речь!

Несчастливая собака была вся в красивых блестящих завитках шерсти. Такие я видел на фотографии моей бабули. Выглядел Пёсель невероятно гламурно и был похож на собачку некой дивы, которую только что выпустили из салона собачьей красоты. Для полной картины не хватало лишь розового бантика и ошейника со стразами...

– Очень стильно получилось! – поддел я пса, из-за которого свалился с лестницы.

Тот явно был не в восторге от нового имиджа и активно вылизывался, пытаясь вернуть себе гордость и достойный вид. Но упругие завитки, вытягиваясь, скручивались вновь, стоило собаке убрать язык.

– На себя посмотри, – обиделся Пёсель Лаврентьевич и мотнул головой в сторону зеркала. – А потом гогочи, гусь кудрявый!

Я повернулся и при виде бабулиной мечты на своей голове подавился воздухом. Кашляя, постарался пятернёй придать

своей причёске что-то приличное, но результат был тот же, что и у пса. Да ещё занавеска, похожая на тогу, придавала мне такой вид, будто я был натурой для всех лучших художников Древней Греции.

– Ты теперь Аполлон Бельведерский, Сокол! – проворчал я.

Оставив попытки привести голову в порядок, я опустил руки...

И тут мне прямо в них упала Агнесс.

Глава 10

– Больше не говори, Сокол, что счастье тебе с неба не валится, – прохрипел я, едва придя в себя. Прижал ребёнка к груди и глянул вверх. – Откуда тебя угораздило? Неужели перила на лестнице сломаны? Ох ты ж, чертежом меня по ГОСТу! Да там вообще перил нет!

– А! – потянулась девочка, едва не наворачнувшись снова. – А-а!

Решив отложить эту проблему на пару часов (малышка же у меня на руках!), я решил заняться другой, более насущной. Тем более что Агнесс тоже настаивает, судя по тому, как тянется к пустой кастрюле из огнеупорного стекла... Странно, что посуда делает в гостиной? Может, забыли убрать? Или использовали как игрушку. Это же дети! Сын моей соседки предпочитал кухонную утварь всем игрушкам в мире!

– Кушать хочешь? – спросил я малышку.

Она тут же сунула в рот палец и с энтузиазмом начала его сосать. Я вздохнул.

– Да, с таким завтраком точно не поправишься. Может, ты не ребёнок, а медвежонок? У меня уже возникают некоторые подозрения...

– Пап? – услышал я взволнованный голосок Джессики и обернулся. У входа стояла она сама, растрёпанная и испуганная. – Ты в порядке?

– Как ни странно, да, – усмехнулся я.

– Точно? – недоверчиво прищурилась она.

– Не считая того, что я выгляжу как дедушка Ленин в молодости, всё отлично, – решительно успокоил я ребёнка.

Вряд ли в Шааде знали вождя пролетариата, но тем не менее имя, в прошлом не сходящее с уст моей бабули, сработало магическим образом. Мне поверили. Впрочем, на бабушку оно тоже действовало безотказно.

– Кстати... Чем вы питаетесь? – задал я актуальный вопрос.

– Время завтрака! – обрадовалась Джессика и, развернувшись, закричала что есть мочи: – Джонатан! Неси скатерть!

– Скатерть, безусловно, вещь полезная, – осторожно начал я. – Но мне бы хотелось узнать, где у вас кухня, заглянуть в холодильник... Или в подвал? Проверить срок годности и прочее...

– Идём. – Джессика безапелляционно потянула меня за собой.

Но путь в смежную комнату нам преградил скелет. Впериав руки в боки, – то есть кости в кости, – он властно сверкнул зелёную магии, которой были наполнены глазницы его черепа, и сурово щёлкнул челюстью.

– Руки мыть? – вздохнув, перевела девочка и махнула рукой в неопределённом направлении. – Это там.

– Снова на реку? – насторожился я.

– Нет, во двор, – тут же рассмеялась она.

Снаружи нас уже поджидал Джонатан. Парень стоял у небольшого колодца, который я поначалу не заметил. Странно, что девочка не рассказала, что вода есть ближе. Впрочем, не купать же малышку здесь. Вода наверняка ледяная. Во всяком случае я помнил, какой она была у бабули в деревне. Однажды, когда мне очень хотелось пить, я хлебнул прямо из ведра – так зубы свело!

Назвав сооружение из нескольких прогнивших брёвен колодцем, я сильно погорячился. Через них была переброшена кривая доска, а вместо ведра к верёвке привязана странная прозрачная сфера с одной большой дырой и парой мелких. Будто огромная уродливая колба, она стояла на земле.

Джонатан, скинув рубашку, опускал внутрь руки и, зачерпывая пригоршнями воду, с фырканием плескал на себя. Я заметил на торсе паренька пару шрамов и сжал челюсти. Это последствия встреч с оборотнем?..

Джессика подождала, пока брат закончит и оденется, а затем быстро ополоснула ладони и демонстративно показала их бдящему у входа в замок скелету.

Я только хотел отлепить от себя малышку, чтобы проделать то же самое и быть допущенным в столовую (или что там у них?), как Агнесс внезапно заголосила. Да так, что в ушах зазвенело. И это у меня, привыкшего к сигналу пожарной тревоги!

– Что с ней? – испугался я и, торопливо осмотрев девочку, предположил: – Неужели уснула, а я её разбудил? Или...

– Ой! – зажав нос, прогундосила Джессика. – Агнесс, ты почему на горшочек не попросилась?

– У-у! – возмутилась малышка и с обвинением уставилась на меня.

И тут у меня спина похолодела.

Не кастрюля в гостиной стояла! И ребёнок чётко и конкретно просился именно туда, но я не понял. И сейчас...

– Что теперь? – быстро спросил я.

– Я за скатертью, – тут же ответил Джонатан и ретировался.

– Ох, я не проверила, как там Пёсель, – внезапно заволновалась Джессика. – Бедняжка! Наверное, страдает...

И тоже сбежала.

Мы с Агнесс посмотрели друг на друга.

Она молчала, и это казалось страшнее всего. Я не знал, набирает ли девочка сил, чтобы повторить вопль гарпии в брачный период, или же смирилась с неприятным положением... И закралась слабая надежда, что ребёнку положение не так уж и неприятно. Тепло и мягко.

Хрупкая надежда разбилась от новой трели, во время которой мои уши едва добровольно не скрутились в пельмени.

– Хорошо-хорошо, – сдался я и, оглядевшись, усадил девочку на травку. – Сейчас дядя Сокол всё сделает.

Что сделает дядя, даже самому Соколу было невдомёк, но я не отчаивался. Я же пожарный! На нас всегда смотрели так, будто мы способны достать луну с неба... Или котёнка

с дерева. Да что там! Такие brave ребята явно не трусили бы надрать зад самой смерти.

Но как назло, старухи с косой под рукой не было, а вот попа Агнесс явно нуждалась в срочном клининге.

Глава 11

Флоренс

Магнер подошёл и, отцепив от вколоченного в скалу железного кольца цепи, потянул меня за собой.

– Тебе надо поесть.

– Я и сама умею ходить, – огрызнулась я, не желая признаваться, что ослабела настолько, что едва могла позаботиться о себе даже в самых банальных вещах.

Радовало лишь то, что магнер давно не мужчина, да и человеческого в нём почти не осталось. Потому и позволяла ему помочь себе, ибо сама не могла даже шага ступить без поддержки – так ослабла. Да, маг кормил меня, но пища Замирья не могла восстановить мои силы, только поддерживала слабо тлеющий огонёк жизни. Да и то лишь потому, что меня подогревало желание вернуться к детям.

На вид и на вкус еда казалась мясом, но я знала, что пища приносит мне медленное отравление. Магия Замирья не может причинить вреда потомственным магам, но всё равно угнетает даже их. То есть нас. Потому Устин, вернувшись, был так слаб. Потому я лишь огрызалась на магнера, но всё равно подчинялась.

Если откажусь, то быстро зачахну от голода.

Сейчас я спала всё больше, а когда бодрствовала, напря-

жённо думала, перебирая тысячи вариантов возможного побега. Но даже если мне удастся магией снять цепи, даже если магнер отвлечётся по каким-то своим злодейским делам, даже если я сумею пройти через море магнуса и добраться до ближайшего перехода...

Замирье заперто! Победа стражей стала моим несчастьем. Я не жалела, что поменялась с Софией. Если бы Бэтрис ударила магией по изнанке межмирья, то разбила бы остатки пространственной перегородки между Шаадом и Замирьем. Погибли бы все! Своим решением я спасла не только миры, но и своих детей. В тот миг это казалось единственным решением.

Но я так страдала вдали от детей! Гораздо сильнее, чем от «питания» магнера, своего унижения или смрада Замирья. Так сильно скучала по лепетанию Агнесс и ворчанию старшего сына. Мне очень хотелось обнять Джессику... Сейчас, когда прошло столько времени, я даже мечтала услышать пение Пёселя Лаврентьевича!

– Наелась? – безэмоционально уточнил магнер и сунул мне глиняный кувшин с водой. – Пей!

Цепи звякнули, когда я приняла посудину. Сделала глоток и...

Магнер взял остатки мяса, о происхождении которого я старалась не думать (гавкало оно, мяукало или рычало, щёлкая длинными зубами в толпе таких же монстров), и бросил в гущу магнуса. Решение пришло за один миг.

Размахнувшись, я ударила мага по голове, раздался звон, и посыпались черепки. Магнус, почуяв кровь, взвыл, и от тысяч голосов, доносившихся снизу, леденел затылок. Но я не останавливалась. Воспользовавшись тем, что враг оглушён, накинула цепь ему на шею и со всех оставшийся сил потянула на себя.

Вот только сил осталось совсем мало. Мне не удалось удержать магнера, и он легко перехватил инициативу. Развернувшись, вжал меня в камень скалы и, оскалившись, принялся жадно пить мою магию. Я смотрела, как по его бледному лицу катятся багровые капли, и мысленно прощалась с жизнью.

Но магнер остановился.

Отстранившись, он просто надел сковывающую меня цепь на кольцо и отвернулся. Бросил, уходя:

– Спи.

Я зажмурилась и, восстанавливая тяжёлое дыхание, беззвучно шевельнула губами:

– Соня... Умоляю, найди способ вытащить меня отсюда! Ты же такая умница...

* * *

Александр

– Сдаюсь!

Крикнув это бесчувственному небу, я откатился в сторону, предоставив Агнесс делать, что ей захочется. После полу-часовой борьбы испачкано было всё, что только можно, начиная от, собственно, источника, заканчивая целым пожарным.

Я и представить не мог, что ребёнок способен крутиться как шиншилла! Отличие только в том, что зверёк очищается, купаясь в вулканической пыли, а Агнесс... Кхм!

– Короче, надо идти на речку, – проворчал я. – Купаться, отстирывать и кормить хищных рыб... Хотя запах может отпугнуть кусачую тварь. А если не отпугнёт, то плавучая гадина познает вкус мести!

Невесело рассмеявшись, я решительно поднялся.

Ещё не родился человек, который поставит меня в тупик!

Так я думал ещё пару секунд до тех пор, пока не понял, что Агнесс рядом нет.

– Куда она делась? – забеспокоился я, оглядывая двор. – Только что здесь была! Не могла же взять и исчезнуть?

Но девочки нигде не было видно. Остолбенеv, я медленно повернулся к единственному месту, где ещё не смотрел. И не хотел бы... На негнущихся ногах подбежал к колодцу и, рухнув на колени, заглянул в тёмную глубину.

– Не-ет! – едва не выдирая от отчаяния кудрявые волосы, простонал я. – Нет, нет, нет...

Внутри всё перевернулось и закололо, будто в меня моток колючей проволоки запихали. Как я мог отвлечься? Да, все-

го на минуту, но разве можно было забыть, что рядом такая опасность? Да я сам себя бы лишил родительских прав! Хотя у меня их и нет. Что делать? Может, всё же она не упала? Надо срочно спускаться и отыскать ребёнка! Даже понимая, что вряд ли пролезу в узкий колодец. Даже зная, что исход известен!

Потянулся к старой растрёпанной верёвке и...

– Не! – услышал рядом и, вздрогнув, повернул голову.

Чумазая Агнесс сидела рядом и, с интересом заглядывая в колодец, весело лепетала:

– Не-е! Не, не, не!

В этот момент я в полной мере ощутил, что человек может быть безмерно счастливым даже по уши в...

Глава 12

Не знаю, чем этого ребёнка кормят, но даже рыбы к нам не подплывали. Через некоторое время, едва живой от усталости, но чистый, я упал на мягкую траву. Агнесс ни на миг не выпускал из поля зрения – эта шустрая егоза так и норовила свалить в закат каждый раз, когда я отвлекался. А когда ловил непослушную малышку, та заливисто смеялась, будто всё это – игра.

Одевшись в мокрую, но чистую одежду, я обернул девочку в занавеску и направился к замку. Осторожно ступив на порог, прислушался. Было подозрительно тихо. Ни голосов, ни собачьего воя, ни каких-либо звуков. В поисках детской, где можно было бы раздобыть для мелкой сухую одежду, я направился по коридору.

– Где твоя спальня? – без особой надежды спросил я Агнесс. Указал на дверь. – Тут?

Заглянул внутрь и поморщился при виде жуткого бардака. Большой стол заставлен бутылочками, грязными чашками и мешочками, содержимое многих из которых было рассыпано. На полу валялась куча тряпок, которые можно было принять за платья, а под потолком копошились странные создания. Присмотревшись, я понял, что они бумажные. И, похоже, сделаны вручную. Но при этом казались живыми...

Жуть!

– Видимо, это комната Джессики, – вспомнив о зелье, которым «лечила» меня девочка, пробормотал я и поспешно захлопнул дверь.

Следующая не поддавалась – видимо, заперто. И прошёл до конца коридора. Комната здесь была большой и тёмной. Стоило мне войти, малышка притихла и прижалась ко мне.

Я огляделся.

Здесь было довольно чисто (не считая бархатного слоя пыли), на полу ничего не валялось, большая кровать была аккуратно заправлена, а большое отдельно стоящее зеркало накрыто непрозрачной тканью. Заинтересовавшись, я подошёл и потянул её на себя, как услышал за спиной:

– Тебе здесь не рады, неприкаянная душа.

Я обернулся и, усмехнувшись, ответил пареньку, который стоял, скрестив руки на груди и подпирая плечом косяк:

– Да я уже в курсе. Собственно, и сам не рвался в этот ваш Шаад, но раз я здесь, то придётся потерпеть. Во всяком случае до тех пор, пока не вернётся кто-то из взрослых.

– Здесь, – с нажимом повторил Джонатан. – Это спальня родителей. Что ты здесь забыл?

– Оу. – Я прижал к себе малышку. – Я и не думал вторгаться в святая святых. Лишь искал, во что одеть ребёнка. Она... – Кивнул на завёрнутую в занавеску Агнесс: – Вот.

– Дай сюда. – Шагнув, он протянул руки и, приняв ребёнка, осмотрел меня с головы до ног. – Ну и видок...

Вынес сестрёнку из комнаты, и до меня донёсся его недо-

вольный голос:

– Справа от тебя шкаф. Там папины вещи. Возьми то, что подойдёт.

Я удивлённо приподнял брови и с опаской покосился на предмет мебели в викторианском стиле. После жалящих рыб и парящих под потолком зубастых бабочек из бумаги вполне понятно, что я заподозрил западню. Тем более от этого парня.

Но внутри на самом деле оказалась мужская одежда, и я, не веря глазам, вынул настоящий камзол с золотой вышивкой.

– Весит как всё моё снаряжение пожарного вместе с баллоном! – подивился я. – нелегко быть владельцем замка. Интересно, кто их папа? Граф? Князь? Король?.. Нет, скорее какой-нибудь обнищавший барон. Ни слуг, ни деревень в округе. И вообще ни живой души в километрах вокруг. Лишь одна неприкаянная и три беспризорника!

Облачившись в сухие брюки, похожие на холщовые штаны, и простую белоснежную рубашку, я ощутил себя человеком. Немного посомневавшись, всё же примерил сапоги из мягкой кожи, и они оказались впору. Решив проверить, как выгляжу в образе средневекового аристократа, приблизился к зеркалу и протянул руку с намерением сорвать ткань, как раздался требовательный стук в дверь.

Обернувшись, я недоумённо приподнял брови: она же была открыта! Неужели кто-то закрыл дверь, чтобы постучать?

Но зачем? Быстрыми шагами пересёк спальню и, распахнув дверь, нос к носу (точнее, к месту, где он должен быть) столкнулся со скелетом.

– Зачем так пугать? – схватился я за грудь.

Скелет щёлкнул челюстью и властно сверкнул зелёную магии в провалах глазниц.

– Э-э, – отступил я и показал раскрытые ладони. – Руки помыл... Да что там! Весь тоже искупался.

У скелета отвисла челюсть, которую тот подтянул очень резко, со стуком. Злится?

– Честно-честно! – поклялся я. – Агнесс докажет... Когда говорить научится.

Странный слуга отпрянул, и зелень его магии засияла ярче. Я невольно отступил ещё на шаг – не к добру это! И точно. Не успел я сделать и вдоха, как оказался в воздухе. Паникуя, забарахтался.

– А-а! – Едва поймав некое подобие равновесия, крикнул: – Эй, худышка, а ну опусти меня на пол! Я кому говорю? Пёселя Лаврентьевича на тебя нет...

Скелет, не слушая меня, развернулся и, подняв руку, сделал пальцем круговое движение. Я медленно, будто воздушный шарик, полетел над полом, следуя за вышагивающим впереди экспонатом музея.

Благо парил я от силы пару минут. Стоило нам оказаться у распахнутых двустворчатых дверей гостиной, как раздался хлопок, и я свалился на пол. В ногу прострелило болью –

неудачно!

– Папа! – бросилась ко мне Джессика. Схватила меня за руку и с восхищением осмотрела. – Тебе идёт эта одежда. Где ты её взяла?

– Джонатан подсказал, – с трудом поднимаясь и морщась от боли, ответил я.

– Да? – несказанно изумилась девочка и, прижав ладошку ребром у рта, прошептала: – Ты ему нравишься!

– Неужели? – недоверчиво хмыкнул я. – Именно потому он мечтает выставить меня в небытие?

– Хотел бы – выставил, – чересчур серьёзно возразила девочка и улыбнулась. – Джонатан унаследовал дар отца. Пусть он не такой сильный, как у великого и ужасного Устина, но всё же достоин уважения.

– А этот великий, – заинтересовался я, – где он?

– Далеко, – вздохнула девочка. – Мы никогда не виделись, но мама с ним иногда разговаривала... И с его новой женой! Она тоже из неприкаянных.

Джессика повернулась к скелету и благодарно кивнула.

– Спасибо, что пригласил папу на обед, Герман. Можешь отдыхать.

– Пригласил? – поперхнулся я и потёр место, которым приземлился на пол. – Больше меня не приглашайте. Клянусь, я сам приду.

– Время обеда! – манерно возвестил Джонатан и, взмахнув белоснежной скатертью, постелил её на прозрачное

уродство, которое здесь величали столом.

Я только хотел спросить о кухне и продуктах, как в глазах странно и неприятно зарябило.

Глава 13

В детстве мне, как и всем детям, читали на ночь сказки. И я всем сердцем верил в ковёр-самолёт и волшебную лампу. Даже мечтал сам стать Аладдином... Но вырос и пошёл учиться на инженера, потому что жизнь показала: хочешь, чтобы твоя мечта стала реальностью, – сделай сам!

Проблема была в том, что на этом жестокие уроки судьбы не закончились, и я попрощался с мечтой...

А сейчас, глядя, как на белоснежной скатерти сами собой появляются тарелки, наполненные снедью, ощутил себя так, словно оказался в детстве. Мозг взрослого закрипел, будто несмазанная телега. Казалось, я ощутил каждую ржавую шестерёночку...

Этого не может быть потому, что попросту невозможно!

– Какая интересная голограмма. – Язык немного заплетался от изумления. – Даже запах передаёт.

– Надеюсь, тебе нравятся макароны, неприкаянная душа. – Довольный произведённым эффектом, паренёк потёр ладони. – Тётя София их обожает.

– Ты про другую неприкайнную душу, которую тоже занесло в Шаад? – с трудом отрывая взгляд от Джессики, которая с аппетитом вгрызлась в куриную ножку, уточнил я. И пробормотал: – Как бы я хотел поговорить с ней.

– Сами бы не откашались, – проговорила девочка с наби-

тым ртом. – Но свяшь оборвалась.

– Может, я смогу её наладить? – осторожно предложил я. – У меня неоконченное технологическое образование и есть некоторый опыт наладки коммуникаций.

– Ты же не маг, – накладывая себе спагетти, снисходительно фыркнул Джонатан.

– Тётя София тоже, – напомнила Джессика и с улыбкой посмотрела на меня. – Пусть попробует. Может, папа нас удивит?

– Он только это и делает, – скривился парень и кивнул на мелкую. – Пусть для начала попробует Агнесс накормить...

Я перевёл взгляд на малышку, которая сидела в подобии детского стульчика и в этот же момент с энтузиазмом ударила большой ложкой по своей тарелке. Брызги полетели во все стороны, и часть их попала на моё лицо. Зажмурившись под довольный детский смех, я машинально облизнулся.

Сладкая манная каша...

Настоящая!

Так это не голограмма и не обман зрения. Парнишка на самом деле наколдовал нам еду.

Как удобно. Не нужно ни холодильника, ни плиты... Не надо тратить время на готовку. Мечта, а не скатерть!

– И разберётся с посудой, – ехидно закончил Джонатан, и у меня нехорошо засосало под ложечкой. – Тогда и посмотрим.

– Джон! – воскликнула девочка. – Ты же знаешь, что...

– Сама хочешь это сделать? – Её брат дёрнул уголком рта.

– Я уже наелась! – мгновенно сориентировалась девочка, вскочив, на миг обняла меня и чмокнула в щёку. – Я в тебя верю!

И сбежала так быстро, что дурное предчувствие усилилось. Но отступать я не собирался.

– И? – строго посмотрел я на пацана. – Если я сделаю это, станешь меня слушаться?

– Возможно. – Он отодвинул тарелку и тоже поднялся. – Смотря, как ты это сделаешь.

– Если справлюсь, то поможешь мне с ремонтом, – торопливо предложил я, стоило ему сделать шаг к выходу.

– Посмотрим, – не оглядываясь, ответил он и покинул столовую.

Мы с Агнесс остались один на один.

И счёт был ноль – ноль.

Пока.

Накормить ребёнка и помыть посуду? Разумеется, я справлюсь! Даже не сомневался в этом. Передвинув тяжёлый и жутко неудобный стеклянный табурет, я помянул по бабушке того, кто придумал обставлять столовую в подобной мешанине стилей.

Взяв маленькую ложечку, зачерпнул немного каши. Агнесс внимательно следила за каждым моим движением, и ничего не предвещало беды. Судя по тому, что я слышал от детей, кормил сестрёнку Джонатан. Может, она слушалась

лишь мужчин? И теперь я, как новый папа, возьму на себя эту несложную обязанность.

Для начала я попробовал кашу сам, чтобы убедиться, что ребёнок не обожжётся. Да, я давно вырос, но всё ещё помнил, как неприятно было есть горячую пищу. А затем поднёс ложечку ко рту девочки и просюсюкал:

– Давай, за папу!

Она засмеялась и хлопнула ложкой по тарелке. Я вздрогнул и снова зажмурился – по щеке сползала целая волна каши. Поджав губы, я отложил ложечку и вытерся рубашкой.

– Сначала нужно было исключить опасность, Сокол. – Проворчав это, потянулся к ложке, которую удерживала малышка. – Милая, отдай это мне!

Только аккуратно взял испачканный в каше столовый прибор и потянул на себя, как девочка заголосила так, будто ей вырезали гланды. Мне в детстве пришлось пройти эту жуткую процедуру, и было трудно забыть собственный крик, стоящий в ушах. Отпрянув, я выставил ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.